

Глава 10

Оба они были старыми лисами и, несмотря на бурю мыслей в голове, умело сохраняли на лицах маску вежливого спокойствия.

Инь Чжоу прикрыл глаза, мысленно отправляя недавний инцидент в небытие, словно сгоревший фейерверк, от которого не осталось и следа.

— Учитель Гу, полагаю, вам пора возвращаться к делам? — уголки его губ едва заметно дрогнули в полуулыбке.

Гу Цинсю окинул его коротким взглядом.

— Да.

Он развернулся и ушел. Инь Чжоу тихо вздохнул.

«И почему рядом с этим человеком мой язык вечно живет своей жизнью? Может, дело в том, что они оба — альфы, и подсознание просто диктует необходимость вступить в перепалку?»

Но ведь Ся Лян, Чжэнь Цзяшуай и Фан Юншэнь тоже были альфами, однако с ними он вел себя иначе.

Молодой человек отогнал лишние мысли и сосредоточился, входя в нужное эмоциональное состояние.

В палате на больничной койке лежал Чжэнь Цзяшуай. К нему не были подведены трубки, но сам его вид внушал тревогу — юноша казался пугающе хрупким. Грим превратил крепкого альфу в изможденного больного: острые скулы и мертвенно-бледная кожа без единой капли крови.

Ся Чжэнь заметно нервничал. Несмотря на то что он учился на актерском факультете, за плечами у него было всего два курса и совсем мало опыта, особенно в подобных ролях. Но он отчаянно хотел сыграть хорошо, стараясь каждой клеточкой тела погрузиться в образ.

Слабость... и эта щемящая любовь к Учителю Иню... нет, к доктору Су, — любовь человека, стоящего на пороге вечности.

В мыслях Чжэнь Цзяшуая всплывал образ Су Цина: его забота, тепло его рук, его сердце — внешне холодное, но на деле чистое и полное сострадания.

Однако близился миг расставания. Актер отчетливо осознавал, что больше никогда не увидит этих глаз и не почувствует этого тепла. Постепенно мысли об этом человеке заполнили всё его существо, и грань между реальностью и вымыслом стерлась.

— Мотор!

На площадке воцарилась такая тишина, что было слышно падение иголки.

Внезапно дверь палаты распахнулась почти с грубостью, и внутрь вбежал человек. Цзян Ян знал: это доктор Су. Было непривычно видеть вечно спокойного врача в таком смятении, и лишь одно омрачало это зрелище — причиной паники была его собственная скорая смерть.

Он приложил все силы, чтобы повернуть голову.

Дыхание Су Цина было сбивчивым, грудь тяжело вздымалась. Увидев Цзян Яна, врач на мгновение замер, словно от удара, а затем стремительно шагнул к кровати.

Юноша потянулся к нему, едва сумев приподнять руку, и ту тут же перехватили.

«Как тепло...»

Руки доктора Су были точь-в-точь как он сам: не такие мягкие, как у омега, с четко выраженными костяшками и силой альфы, но при этом полные нежности.

Су Цин опустил голову, всё еще не в силах успоить дыхание. Он бережно растирал пальцы пациента, пытаясь вернуть тепло его ледяной коже.

— Сяо Ян...

Цзян Ян встретился с ним взглядом. На лице доктора играла ободряющая улыбка, словно он хотел сказать, что всё будет хорошо, что боль утихнет. Однако в глубине его глаз юноша видел иное: подавленную муку, глубокое сострадание и... жажду.

На миг Цзян Яну почудилось, что Су Цин жаждет его так же сильно, как и он сам.

В это мгновение хрупкие опоры его выдержки рухнули. Он больше не хотел притворяться сильным, не хотел поддерживать видимость вежливых отношений.

Ему хотелось почувствовать его запах. Хотелось узнать истинные чувства Су Цина. Даже если путь впереди усеян терниями, он был готов пройти его — ведь это были их последние минуты. Неужели боги не позволят им побыть вместе хотя бы миг?

Феромоны — неотъемлемая часть жизни любого альфы или омеги, они сопровождают их постоянно. И сейчас Цзян Ян не смог бы отделиться от них, даже если бы захотел.

Он выпустил свои феромоны. Или, вернее сказать, у него просто не осталось сил их сдерживать.

Его запах тянулся к другому альфе, моля о взаимности.

Су Цин вздрогнул, почувствовав этот невероятно слабый аромат. Запах напоминал промокшего под дождем щенка, который робко тычется в ладони, ища тепла и защиты. Сердце врача сжалось от боли. Он нежно коснулся лица пациента, чьи глаза начали затуманиваться из-за непрерывного выброса феромонов.

— Всё в порядке. Я чувствую твой запах. Он очень приятный.

От этих слов глаза Цзян Яна на миг прояснились, а феромоны, повинувшись последней вспышке жизни, хлынули волной, окутывая человека перед ним.

— Правда? Ты не чувствуешь отвращения? Тебя не отталкивает?

Су Цин ответил на редкость нежной улыбкой:

— Нет, ни капли. Твои феромоны пахнут морским бризом, верно? Свежий и очень уютный запах. Совсем как ты сам.

Цзян Ян счастливо улыбнулся. Глядя на него, доктор на миг забылся, вспомнив их первую встречу. Тогда юноша был полон жизни, а его улыбка — такой же яркой, открытой и солнечной, как сейчас.

— Если тебе нравится... я отдам тебе их все, хорошо?

— Хорошо.

— Тогда... могу я тоже почувствовать твой запах? — он смотрел на него с немой мольбой.

Су Цин колебался лишь секунду, прежде чем согласиться. Он предельно осторожно выпустил крохотную долю своих феромонов — мягких, дружелюбных и совершенно лишенных агрессии. Иначе истощенный организм Цзян Яна просто не выдержал бы такого давления.

Возможно, из-за крайней слабости чувствительность пациента притупилась, а возможно, Су Цин действительно безупречно контролировал себя. По сценарию тот не должен был испытать

дискомфорта — напротив, он должен был почувствовать себя окруженным заботой и бесконечно счастливым.

Однако на съемочной площадке что-то пошло не так.

Феромоны Чжэнь Цзяшуая становились всё гуще. Он слой за слоем пытался окутать ими Инь Чжоу. Стоящие рядом сотрудники начали меняться в лице, в воздухе разлилась тревога.

Но режиссер не давал команду «стоп», и актеры продолжали играть.

Перед началом сцены Фан Юншэнь говорил им, что они могут выпускать феромоны по своему усмотрению. В киноиндустрии это обычная практика: для достижения максимальной достоверности режиссеры часто просят актеров следовать сценарию и на физиологическом уровне. Конечно, без крайностей — всегда наготове стоят люди с ингибиторами.

Однако, учитывая, что оба главных героя были альфами, Фан Юншэнь не настаивал на реальном выбросе феромонов, полагая, что они смогут это просто сыграть.

Сяо Чжэнь и сам не планировал ничего подобного, но он настолько глубоко ушел в роль, что организм сработал автоматически. Сначала он еще пытался сдерживаться, но по мере развития сцены его эмоции изменились: жажда по Су Цину крепла, он отчаянно нуждался в ответе и утешении.

Сам того не осознавая, в этот момент он начал воспринимать партнера как омегу. Его инстинкты требовали ласки, которую мог дать только омега.

Но Инь Чжоу не был омегой. Будучи альфой, он не мог выпустить успокаивающие феромоны, и это лишь сильнее распяляло Чжэнь Цзяшуая. Его сознание начало затуманиваться от раздражения. Юноша почувствовал неладное и попытался подавить выброс, но было поздно.

Брат Чжоу первым заметил неладное. Нахмурившись, он осторожно коснулся лба партнера. Не выходя из образа, он взглядом спросил: «Что с тобой? Нужно остановиться?»

Чжэнь Цзяшуай уставился на него расширенными зрачками. Дыхание его участилось, а волна феромонов стала почти осязаемой.

Инь Чжоу резко изменился в лице. Поскольку Сяо Чжэнь направил весь свой пыл на него, остальные чувствовали лишь легкое эхо этого давления. На самом же деле актер сейчас принимал на себя всю мощь его состояния. Он не стал защищаться собственными феромонами, вместо этого он крепко сжал руку партнера, пытаясь успокоить его и вернуть к реальности.

В этот момент Гу Цинсю, сидевший у мониторов, резко встал. Его голос в тишине площадки прозвучал отчетливо:

— Стоп! Несите ингибитор. У него начался период восприимчивости.

Все так и ахнули. Сотрудники тут же бросились за препаратом. Инь Чжоу только сейчас осознал: Чжэнь Цзяшуай не просто «переиграл» — он вошел в то самое опасное состояние!

Он принялся легонько похлопывать юношу по щекам:

— Сяо Чжэнь, Сяо Чжэнь, ты меня слышишь? У тебя начался период восприимчивости, не волнуйся, сейчас принесут лекарство. Тш-ш...

«Черт, почему от моих слов ему только хуже?!»

Он кожей чувствовал исходящую от парня мольбу об утешении, но ничем не мог помочь! В такой момент запах другого альфы для того, кто находится в периоде восприимчивости, — мощный катализатор, а не лекарство.

Молодой человек не был омегой. Но Сяо Чжэнь, очевидно, уже не видел разницы. Он вцепился в плечи Инь Чжоу и рывком сел на кровати — в этой хватке не осталось и следа от недавней немощи его персонажа.

— Сяо Чжэнь! Я альфа, ты не должен направлять на меня свои феромоны!

Несмотря на то что чужой запах заставлял глаза Инь Чжоу краснеть, он сохранял ледяное спокойствие, пытаясь воззвать к рассудку партнера. Но в следующую секунду Чжэнь Цзяшуай резко дернул его на себя. Тот, не ожидая такой силы, наткнулся на него, и в тот же миг юноша, обнажив клыки, потянулся к его затылку.

Инстинкты окончательно взяли верх. Не получая ласки от омеги, альфа впал в неистовство и решил запечатлеть метку.

Зрачки Инь Чжоу расширились.

«Твою мать?!»

Он напряг спину, готовясь оттолкнуть обезумевшего парня, но в этот момент чьи-то сильные руки рывком оторвали Чжэнь Цзяшуая от него и с силой вжали обратно в подушки.

Актер даже не успел обернуться, как на Сяо Чжэня обрушилась волна такой пугающей и сокрушительной силы, что тот задрожал всем телом. В период восприимчивости альфы становятся агрессивнее, но эта мощь была почти осязаемой — она буквально пригвоздила его к постели, не давая даже вздохнуть. Феромоны альфы высшего класса оказались способны играючи усмирить любого сородича.

Наконец подросли сотрудники. Вшестером они удерживали Чжэнь Цзяшуая на кровати, пока медик вводил ему сильнодействующий ингибитор.

Инь Чжоу, которого кто-то оттащил в сторону, обернулся. Перед ним стоял Гу Цинсю.

— Впервые вижу, чтобы альфа пытался утешить другого альфу, — произнес он. Учитель Гу просто констатировал факт, но собеседник явственно уловил в его тоне нотки вызова.

— Надо же, а я тоже сегодня открыл для себя кое-что новое. Никогда не видел, чтобы альфа провоцировал другого альфу, когда тот просто пытается помочь коллеге.

Гу Цинсю промолчал.

Они стояли друг напротив друга в неловком молчании, пока вся остальная группа суетилась вокруг Чжэнь Цзяшуая. Наконец Гу Цинсю усмехнулся и покачал головой — он и сам не понимал, почему вечно вступает в споры с этим юношей. Вне их встреч он никогда не вел себя подобным образом.

Мужчина уже собирался что-то сказать, когда Инь Чжоу опередил его:

— Ладно, Учитель Гу, я признаю — язык у меня сегодня без костей. Спасибо, что помогли со Сяо Чжэнем. За это я обещаю больше не поминать вам тот случай на парковке.

Гу Цинсю удивленно вскинул брови.

— Хотя, — добавил Инь Чжоу, — даже если бы вы не вмешались, он бы меня не укусил. Я бы справился и без вашей помощи.

Собеседник с бесстрастным лицом ответил:

— Не за что.

— Отлично. Будем считать, что мы заключили перемирие?

Молодой человек протянул ему руку. Гу Цинсю мельком взглянул на длинные, изящные пальцы и ладонь, открытую для рукопожатия. Казалось, лед между ними наконец-то тронулся.

Но стоило мужчине протянуть руку в ответ, как Инь Чжоу резко отдернул ладонь и посмотрел на него с нескрываемым пренебрежением:

— Знаете, я передумал. Лучше не будем. У меня сейчас легкий стрессовый синдром от ваших

феромонов. И то, что я до сих пор стою рядом и не пытаюсь вас побить, — уже величайшее достижение моей выдержки.

Гу Цинсю вновь лишился дара речи.

Определенно, они были фатально несовместимы.

<http://bllate.org/book/15873/1437555>